

Есть категория людей-вампиров, пожирающих энергию у близких. Мстислав Ростропович, гениальный русский музыкант, некогда изгнанный из своего отчества, — феномен прямо противоположный. Он поистине вселенский аккумулятор, заряжающий своей фантастической энергией всех, кто в ней нуждается. Даже те, кто исходит от зависти и ненависти к этому преуспевающему счастливчику, — а таких очень много — не в силах отвести “неоскудевающую руку дающего”.

Свой 70-летний юбилей Ростропович будет отмечать 27 марта в Париже. Он говорит: “Так велел мой фюрер” (то есть Галина Вишневская, его жена). На следующий день Ростропович собирался прибыть в Москву — хотел на родине поспрашивать. Но рождина в очередной раз, как избушка на курьих ножках, повернулась к своему сыну задом: московские концерты не состоятся. Не рассчитывая теперь уже заставить маэстро в первопрестольной, я отправилась к берегам Невы, где Ростропович бросил свой якорь. Впрочем, и там его поймать непросто: из Мадрида после концертов он летит в Оренбург открывать больницу, из Парижа, его европейской резиденции, мчится в Нижний Новгород по делам своего благотворительного фонда.

В С Е Л Е Н С К И Й АККУМУЛЯТОР

БЛАГОДАРНОСТЬ У ГРОБА

Ростроповича облепил рой страждущих журналистов, протягивающих к нему свои диктофоны, как ядовитые жала. Один за другим они отлетали от объекта вожделения: маэстро ужасно торопился и потому вежливо отшивал всех. Я тихо впадаю в истерику и лихорадочно перебираю в голове возможные “острые” вопросы. Как вы, оппозиционер, могли “спеться” с официальной властью? Нет, не то. Любите ли вы Вишневскую? Тоже не то. И, наконец, в отчаянии проводив взглядом последнего отрубленного коллегу, нахально иду за Ростроповичем в комнату отдыха и выпаливаю первое, что приходит в голову:

— Вы отказались от московских концертов с Лондонским оркестром, потому что поняли, что вас подставили нарочно?

Ростропович “притормозил”: не исключено, что мысль о “подставе” ему раньше не приходила в голову. Потом просит меня налить ему чаю.

— Бог меня просто спас! Представляете, что бы могло быть? Я бы приехал, ни о чем не подозревая, счастливый, после Парижа. Там ведь будет кайф, настоящий кайф! Пришел бы на пресс-конференцию, такой весь в эйфории. А там бы и задали вопрос: “Сколько это стоило Министерству культуры? А вот миллион 280 тысяч долларов!!!” Нет, я этого не хочу. При чем совершенно искренне. Так, как меня говном мазали здесь, меня нигде в мире не мазали. Если бы я приехал сюда на колених, было бы другое отношение: мне бы с удовольствием посочувствовали.

— Вам не могут простить, что Россия для вас стала объектом благотворительности.

— Именно так! Я, скажем, делаю фестиваль Шостаковича. Очень трудно. Но для меня это такое удовлетворение великое. А вокруг разговоры: “Чего это он бесплатно работает? Значит, что-то ему здесь надо, какая-то корысть есть — должна быть!” Это русская черта. Меня благодарят... у гроба.

Я опоздал, чтобы обнять Сахарова Андрея Дмитриевича. Потому что меня впустили в страну двумя неделями позже его смерти. Когда я пошел по аллее к его могиле и увидел венки, лежащие на

Ростропович и Вишневская: “Хоть у нее и soprano, но в семье — басовый ключ”.

протяжении двух километров, я плакал от чувства досады: люди, принесшие эти венки, должны были его уберечь от смерти. Пусть мне кто-нибудь скажет в открытую: что я сделал плохого для России? Одну маленькую деталь пусть назовут!

— Вы не застрелились от тоски по родине, не повесились, даже не спились. Мало того, вернулись сюда богатым и счастливым да еще взяли помогать!

Ростропович рассмеялся.

— Вы знаете, именно поэтому я не взял российского гражданства. Был разговор с Черномырдиным, он меня спросил: “А чего ты не взял российское гражданство?” Я сказал: “Знаешь, когда я вообще не думал, что когда-нибудь вернусь обратно, меня окружили любовью там, за границей, — не только в Америке, Франции или на Тайване. Это происходило в любом городе. Куда бы я ни приезжал, я получал признание и уважение. Пусть все остается как есть”.

Я покинул Москву утром 26 мая 1974 года — эта дата каленным железом выжжена у меня в мозгах и сердце. 15 марта 1978 года мы с Галей случайно узнали о лишении нас советского гражданства. Переживания, равного в жизни этому, я не имел. Может быть, только тогда, когда умер мой отец. Я оказался вне возможности вернуться когда-либо в Россию. Я скупал по этому низкому небу, по этому климату. Чувство любви обостряется в случае, если ты не имеешь этот символ любви рядом с собой. Поэтому мы с Галей прожили 41 год. У меня были свои занятия, у нее — свои. Мы расстаемся и не думаем о том, что будем спорить, а думаем о том, как бы нам скорее повидаться. Потом мы с ней встречаемся, и на второй день уже начинаются разногласия. На третий день мы разьежаемся по разным городам и опять скучаем. Это чувство обостряет любовь. То же я испытал, когда 16 лет находился без своей родины.

После лишения гражданства была абсолютная безнадежность. Пришлось как-то адаптироваться. Я начал коллекционировать русские вещи, мебель, русские картины. В Париже у меня полностью русский дом, в нем нет ни одной нерусской вещи. Это настоящий Русский остров. Я там закроюсь, возмю стопаря — и я в той России, которая не мстит никому. В России гениев и умерших.

Когда рухнула Берлинская стена, она как бы сломила барьер между моими двумя жизнями. Поэтому я поехал туда с виолончелью. Для того, чтобы сыграть в знак благодарности. Я мечтал, чтобы там в этот момент никого не было. Узнали о том, что я там буду, по idiotическому случаю.

Я подехал из аэропорта на такси, с виолончелью. И сообразил: как я буду играть — стула-то нет! Пришлось зайти в какой-то дом поблизости и попросить стул.

— Вы купили в Петербурге дом. В Питере вы устраиваете всякие грандиозные акции — фестиваль Шостаковича, Всемирный виолончельный конгресс? Почему все это именно в Петербурге?

— Петербург в меньшей степени, чем Москва, связан для меня с душевными травмами. Мне предлагали место для моего архива в Америке. Но я все равно собирался оставить завещание, по которому все вернулось бы в Россию. У меня пять картин Шагала, мой портрет, сделанный Сальвадором Дали. Я имею 39 мантий разных университетов. Есть некоторые мелочи, которые мне очень дороги. Например, когда я был у Пикассо, он взял пробку от винной бутылки, металлическую пробку от минеральной воды, слепил их вместе и сделал смешную фигурку. У меня есть письма от Чарли Чаплина. Я хочу, чтобы все это было здесь. Вот и все мои мотивы.

А здесь... Я ведь все понимаю. Пришел какой-то тип в 2 часа ночи. Лопатой разбил мне два окна. Я приехал в милицию, спрашиваю его:

— Скажите, пожалуйста, зачем вы это сделали? Какая у вас была идея?

Он посмотрел на меня и ответил: “От зависти”. Я сказал: “Все, прекратите уголовное дело, он признался”.

— Вы в 91-м году примчались сюда защищать демократию. Сейчас не смеетесь над собой? Не разочарованы в том, что защищали?

— Нет, несмотря ни на что, нет. То, что я защищал, это не для тех людей, которые живут сейчас. А для тех, которые еще не родились. Они, может быть, родятся скоро в деревне Ваче, в моем родильном доме. Я это делал для будущих Мусорских, будущих Прокофьевых, будущей Ахматовой, Улановой. Они родятся в другой атмосфере.

У меня ужасное ощущение, что наш народ станет жить нормально лишь после того, как отомрет поколение... Мое поколение. Я прочитал как-то давно “Майн кампф” Гитлера. Бред сивой кобылы. Кроме одного абзаца, который я запомнил: в каждом государстве есть очень маленький процент, скажем 10%, элиты, столько же подонков, остальные 80% — просто люди. Кто победит в этой извечной борьбе между подонками и элитой — за теми пойдут остальные люди. Это очень похоже на жизнь. Я отказываюсь от своих концертов, чтобы не грабить бюджет, а депутаты Государственной Думы требуют на свои квартиры по 60 тысяч долларов. Я влюбляюсь в красивую женщину и знаю, что это — запретный плод. А какой-то член Думы от ЛДПР появляется на экране ТВ с двумя девочками и говорит, что он проводит закон о многоженстве. Но все равно, я считаю, что Бог нас любит. И будет все в порядке.

— А как живут-поживают ваши с Галиной Павловной дочки?

— Дочечки... Я вспоминаю, Ромен Роллан в “Кола Брюньоне” говорит, что “в сыновьях я узнаю свое семей, а в дочках мать подмешала своего, и тесто скисло”. Я, слава богу, не подмешал своего, тесто не скисло, и девочки — и Ольга, и Елена — вышли красавицы.

— Похожи на Вишневскую?

— Ольга очень похожа на меня. Но я урод, а она красавица! Мои дочери родили мне шестерых внуков.

— А Мстислав есть среди них?

— Конечно! Последний — ему полтора года. Причем Олин муж — француз, он из очень известной французской семьи Hermes. Они выпускают галстуки, костюмы... Так вот родители Олиного мужа, когда ребенка назвали Мстиславом, сказали с грустью: “Теперь до самой смерти мы никогда не сможем произнести имя нашего внука”. Потому что для французского произношения три согласных “мст” подряд просто невозможно. Поэтому я люблю, когда меня называют Слава. И без отчества.

— Какая национальность у ваших внуков?

— Мне сказал мой друг Святослав Федоров замечательную вещь: “Нам только кажется, что мы влюбляемся друг в друга. На самом деле мы просто ищем совместности наших генов”. Когда избирают Мисс Вселенную — мне она как-то до лампочки. Или вот идет девушка с параметрами 90—60—90, а мне это все равно. Но зато для меня, может быть, 75—85—120 — вот это то, что надо. Каждому — свое. Это тайна нашего божественного существования: во имя будущего влюбляешься в свою “половинку”. Так что и к космополитизму я отношусь так же: если влюбился в француженку — дай Бог здоровья.

Ростропович быстро подпивает свой холодный чай, так и не прикоснувшись к маленьким сандвичам, красиво разложенным на столе.

— Я еду сейчас в одну больницу. Там по линии моего фонда приехали мои друзья, лучшие педиатры Америки, — читают лекции о том, как обращаться с аппаратурой. Хотите поехать со мной?

— И деньги идут только на детские больницы?

— Исключительно: аппаратура, медикаменты. Здесь, в Питере, — жуткая вода. Так мы в педиатрической академии поставили уникальную американскую фильтрующую систему. Вы это сейчас увидите: там теперь голубая вода! Беда в том, что академию сняли с федерального бюджета. У них нет бинтов, нет шприцов. Они практически закрыты. Но сейчас мы должны получить посылку с медикаментами, я вчера, когда был в Нижнем Новгороде, договорился с одним очень хорошим человеком, банкиром. Сегодня же все и вышлет.

— Как вы общаетесь с новыми русскими? Руководствуетесь только практическими целями?

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...

И тут мы выехали на набережную, где на вечном приколе стоит исторический крейсер “Аврора”.

— Вот! Вот это я ненавижу! Ох, не дай Бог! Смотрите, Катя, вот эта пушка направлена прямо мне в окно. В окно моего дома! Я уже решил: я подкулю их всех, и пушка будет повернута в другую сторону. Это факт. Сто процентов.

На самом деле, злосчастный ствол, из которого в свое время шарахнул по Зимнему пресловутый “залп”, повернут akurat в сторону очаровательного трехэтажного желтого особняка с колоннами. Первые два этажа принадлежат Мстиславу Леопольдовичу.

Попытку приобрести дом Ростропович вначале предпринял в Москве. Написал заявление Лужкову о том, что хотел бы купить особняк до 1000 кв. м для размещения своего архива. Просьбу “спустили на тормозах”. Тогда он реализовал свой замысел в Питере.

— Запросто общаюсь. Среди них есть очень симпатичные и интеллигентные люди. Вот этот, кстати, банкир — Борис Бреннов — отличный парень. Женился на американке — она осталась с ним в Нижнем Новгороде. И счастлива. Он помог мне закончить больницу в Ваче. Я его зову Борис III. Борис II — это Немцов. Ну, а кто первый — всем ясно.

Недавно я открыл реанимационный центр в Оренбурге. Врачи оттуда приехали сейчас в Петербург и вместе со здешними врачами проходят обучение у американцев.

— А почему в Оренбурге?

— Это очень дорогой для меня город: там родилась моя мать, там умер мой отец во время войны. Там я провел самые тяжелые годы своей жизни, и в то же время стал человеком. Я не могу забыть добро, которое делали мне простые люди. В Оренбурге жила моя крестная. У нее-то мы и провели это страшное время в эвакуации...